

Покинув Младшего наставника Цинь, Цзян Хуайли лишь укрепился в своих намерениях.

Время не ждало. Не останавливаясь, он поскакал к городским воротам. Ему нужно было попасть в храм Шаньюнь, что стоял за пределами столицы. Это была обитель, особо почитаемая императорской семьей, один из храмов Дашэна, где курильницы никогда не гасли. Мастер Шан Юань, живший там, считался просветленным монахом, к которому с глубоким почтением относились даже члены императорской семьи; его статус в Дашэне был поистине непререкаемым.

После того как отец внезапно изменил к нему отношение, то же самое произошло с дедом. А когда третьим человеком, отвернувшимся от него, стала младшая сестра, Цзян Хуайли не на шутку встревожился: не наложил ли кто-то на него проклятие или темные чары? Он много читал, и в одном из сборников диковинных преданий ему доводилось встречать описания колдовства. Сначала он не верил, но после случившегося с ним невольно задался вопросом: а вдруг это правда, и нечто подобное происходит с ним самим? Он втайне нанимал магов, но расследование ни к чему не привело. Теперь, после слов Юнь И, он окончательно убедился: дело не в том, что он стал хуже, и не в том, что люди вокруг изменились сами по себе — на них определенно было оказано какое-то воздействие.

— Стоит вам расстроиться, как вы сразу сбегаете! — негодовал Цзян Ань, переполненный обидой. — Вы хоть подумали об отце? О нас? О клане Цзян?

Сейчас, по мнению Цзян Хуайли, лишь Мастер Шан Юань мог пролить свет на эту тайну.

— Молодой господин, вы что творите! — Цзян Ань испуганно отпрянул, но не осмелился применить силу против хозяина. Цзян Хуайли всё же перехватил его руку и закатал рукав.

Доехать до храма Шаньюнь ему было не суждено.

Цзян Хуайли, не желая объясняться, молча спешил. Его колено, травмированное ранее, сегодня болело сильнее, и при спуске с лошади он неловко задел Цзян Аня. Тот коротко вскрикнул от боли.

— Молодой господин! — Цзян Ань нахмурился, его детское лицо исказилось от досады и смущения. Он был по-настоящему рассержен. — Молодой господин, как вы могли просто взять и уйти? Вы даже не представляете, как мы все перепугались! — Цзян Ань подбежал к нему и взял лошадь под уздцы. — Вы опять собрались сбежать со свадьбы, да? Как вы могли так поступить?

Цзян Хуайли замер, обернувшись к нему:

— У тебя рана на руке? Они тебя били?

— Нет, — Цзян Ань тут же спрятал руку за спину. — Молодой господин, давайте скорее

вернемся, дома все места себе не находят.

— Молодой господин, вы даже не представляете, я чуть не получил на орехи. Если бы не нужно было вас искать, я бы сейчас уже лежал в кровати, — в его голосе сквозило неприкрытое негодование. — Молодой господин, вы раньше были совсем не таким.

Цзян Хуайли не верил ни единому слову. Он силой вытянул спрятанную руку слуги. На запястье было намотано несколько слоев марли; свежих пятен крови не было, так что на первый взгляд рана казалась несерьезной.

— Ничего, — ответил Цзян Ань. — Просто неосторожно зацепил.

Цзян Хуайли, однако, не сводил глаз с его предплечья. Бинты были намотаны в несколько слоев, и самый нижний всё же пропитался кровью. Рана была глубже, чем казалось, но, к счастью, марля не присохла, и Цзян Хуайли смог её размотать.

Почерк Цзян Аня всегда оставлял желать лучшего. До того как попасть в особняк, он не знал ни одного иероглифа. Став книжным слугой Цзян Хуайли, он был вынужден учиться. Наставник в особняке Цзян пытался обучать его, да и сам Цзян Хуайли в перерывах между занятиями помогал ему, но Цзян Ань желал только читать — писать красиво он отказывался, говоря, что всё равно не для кого стараться, лишь бы за господином хорошо ухаживать. До сих пор иероглифы давались ему с трудом, а вырезанные на коже выглядели и вовсе пугающе.

От запястья до локтя красовались четыре знака. Он так и не научился контролировать размер письма, словно боялся, что если напишет мелко, то не сможет вывести иероглиф вовсе. Каждая черта была огромной, грубой, а рана — глубокой.

Пока Цзян Хуайли застыл в оцепенении, Цзян Ань вырвал руку и отвернулся.

— Когда ты это вырезал? — спросил Цзян Хуайли.

— Ночью, когда во сне ходил, — буркнул Цзян Ань.

— Во сне?

— А как еще? — Цзян Ань обернулся, и в его глазах блеснула иная догадка. — Или это вы, господин, напоили меня зельем и заставили вырезать? Вы мне не доверяете? Разве я не был вам предан все это время? Вам всё ещё мало?

Цзян Хуайли тяжело вздохнул, стараясь подавить нахлынувшие чувства. Зная характер слуги и вспоминая слова Младшего наставника Цинь о том, что он «в растерянности», он легко догадался, в чем дело. Девятого числа второго месяца, когда в Академии Цзи все пошли против него, наставник Цинь видел это и впервые позволил себе суровые упреки. В тот вечер, осознав происходящее, Цзян Хуайли записал на бумаге те самые слова, чтобы напомнить себе о реальности. Прошлой ночью его снова многие корили, и Цзян Ань, знавший, как тяжело ему

пришлось, впервые встал на сторону Цзян Хуна.

Цзян Хуайли думал, что в родовом святилище царила тишина. Он не знал, что ночью Цзян Ань взял ножницы и неумело, с болью вырезал на своей коже: «Будь предан господину». Чтобы впредь, когда господин возьмет его за руку, боль напоминала ему о верности. Глупый, какой же он глупый.

Завидев, что Цзян Хуайли спешил, к ним направился Цзян Хун в сопровождении стражи. Он шел первым и сразу заметил надпись на руке слуги. Иероглифы были уродливыми, глубокими, уже подернутыми корочкой крови, но Цзян Хун сразу понял, что там написано. Эти четыре кровавых знака больно резанули по глазам.

Почему? Почему даже после всего, что произошло, Цзян Ань продолжает так преданно служить Цзян Хуайли?

Система не ожидала, что за этот год, когда Цзян Хуайли не раз выводил его из себя, гнев Цзян Хуна достигнет таких пределов.

Система не понимала:

— Хозяин, успокойтесь.

Цзян Хун не мог взять себя в руки:

— Я не понимаю! У него больше нет ореола главного героя, почему Цзян Ань всё равно так поступает? Готов калечить себя, лишь бы защитить Цзян Хуайли!

Система рассуждала хладнокровно:

— Может, потому, что вас самих никогда так не любили?

Когда Цзян Хун от ярости едва не задохнулся, система добавила:

— И, судя по всему, даже если вы будете стараться, вас вряд ли кто-то полюбит так же сильно.

Цзян Хун был готов взорваться:

— Чья ты вообще система?! Разве это не проблема, если все будут такими, как Цзян Ань?

Система молчала некоторое время, анализируя ситуацию:

— Вряд ли. Те, кто был раньше, смотрели на Цзян Хуайли через призму предубеждений, выискивая в нём изъяны и подпитывая свою ненависть. Они либо не видели несправедливости по отношению к нему, либо не хотели её замечать. Цзян Ань же видел слишком много. У него внутри уже сформировалась установка, что нельзя так обращаться с господином. Это своего

рода напоминание самому себе. Впрочем, это не сработает — у Цзян Аня всё ещё предвзятое отношение к нему.

Закончив анализ, система беспристрастно указала на ошибку Цзян Хуна:

— Я же советовала вам не действовать столь агрессивно, не заставлять всех вокруг так яростно отречься от Цзян Хуайли.

Цзян Хун до боли сжал кулаки. Когда он только попал в этот мир, у системы было два способа помочь ему отобрать удачу главного героя. Первый — медленно и плавно перетягивать его судьбу на себя, что давало надежный, но небыстрый результат. Второй — точечный удар по окружению, лишение героя поддержки преданных ему людей. Второй способ работал быстро, заставляя людей ненавидеть Цзян Хуайли и проникаться симпатией к самому Цзян Хуну. Система советовала первый путь, но он без колебаний выбрал второй.

Цзян Хун не признавал своей ошибки:

— Этот метод самый эффективный. Семья его ненавидит, влиятельнейшие люди этого мира — Император и принцы — его ненавидят, даже Ван Лань, за которого его собираются выдать, его ненавидит. Теперь он проведет свою жизнь в страданиях. Остался только Ван Лань, а убедить его возненавидеть Цзян Хуайли проще простого. Ван Лань не терпит тех, кто ему неуютен, и всегда избавляется от них.

Цзян Хуайли мельком взглянул на Цзян Хуна. Неизвестно почему, лицо того исказилось, а покрасневшие глаза светились злобой. Цзян Хуайли впервые пристально посмотрел на него. Цзян Хун, заметив это редкое внимание, оживился и одарил его злобной усмешкой. Когда он только приехал в столицу, он был осторожен, подчеркнуто вежлив и следовал стратегии тихой игры, постепенно накапливая благосклонность окружающих. Но даже когда он льстил Цзян Хуайли, тот никогда не смотрел на него как на равного. С каждой победой в борьбе за чужое внимание характер Цзян Хуна менялся. Система советовала ему вести себя скромнее, но он больше не хотел.

Цзян Хуайли отвел взгляд и вместе со всеми отправился в особняк Цзян. Дома его ожидала новая порция упреков и, вполне ожидаемо, домашний арест. Всем слугам и охране было строго приказано не выпускать его за ворота до самой свадьбы.

Вернувшись в свои покои, Цзян Ань продолжал ворчать. Цзян Хуайли выслушал несколько фраз и прервал его:

— Позови лекаря.

— Лекаря? Что-то случилось, господин?

— Колено снова разболелось. Пусть принесет мази от ушибов и кровоостанавливающее.

Он под арестом, но скоро свадьба, и он не может позволить себе слечь. Цзян Ань тут же побежал за врачом. После того как лекарь закончил с коленом, Цзян Хуайли попросил:

— Посмотрите еще руку Цзян Аня.

Слуга помедлил, словно стыдясь показывать рану, но боль взяла верх, и он протянул руку.

— Ну надо же... как же это вы так... — Лекарь, разглядев иероглифы, бросил взгляд на Цзян Хуайли и тут же сменил тон: — Хорошо, что я захватил достаточно мазей.

Рана на руке выглядела пугающе. Оставалось только гадать, как он смог вырезать такое по живому. Младший наставник Цинь пишет слова, чтобы напомнить себе о чем-то, Цзян Ань режет кожу... а кто будет следующим?

Казалось, у него больше никого не осталось. Все близкие, дорогие и важные ему люди отвернулись, все до одного. Быть может, где-то далеко, на границе, есть верные друзья или дед в Ганьжоу, но кто знает, не изменились ли и они?

Взгляд Цзян Хуайли, упавший на руку слуги, на миг затуманился, но затем вновь обрел решимость. Он понимал, что никто не поможет ему избежать свадьбы с Ван Лань, а под домашним арестом возможности крайне ограничены. Казалось, он зашел в тупик.

Нет. Существовал еще один, едва заметный путь.

Цзян Хуайли прикрыл глаза, погружившись в размышления. Весь этот год, с момента приезда Цзян Хуна в столицу, его жизнь рушилась. Каждый, кто начинал ненавидеть его, проникался симпатией к Цзян Хуну. Очевидно, всё было связано с ним. Когда Цзян Хун ещё притворялся его другом, Цзян Хуайли уже подозревал, что тот использует какие-то чары, но тогда расследование ни к чему не привело.

Он не знал, как Цзян Хун это делает, но времени не оставалось: его силой гнали под венец с жестоким Ван Лань. А раз так, то почему бы не устранить саму причину всех бед?

Решение было принято: нужно избавиться от Цзян Хуна.

<http://bllate.org/book/21320/2163028>